

Смирнова Евгения Александровна

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ Ф. Д. КРЮКОВА ДОНСКОГО ПЕРИОДА (1918-1919 ГГ.)

Статья посвящена анализу публицистики донского писателя Ф. Д. Крюкова периода Гражданской войны. Проанализированы коммуникативные стратегии писателя-журналиста, выявлены особенности создания публицистических произведений с учетом СМИ. Творчество Ф. Д. Крюкова донского периода характеризуется трагическим мироощущением. Установлено, что писатель противопоставляет философии апокалипсиса веру в великое предназначение казачества, а также патриотическую идею, возвращение к этическим стародавним принципам, в основе которых понятия Отчизны, совести и чести.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 243-247. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.01/09

Статья посвящена анализу публицистики донского писателя Ф. Д. Крюкова периода Гражданской войны. Проанализированы коммуникативные стратегии писателя-журналиста, выявлены особенности создания публицистических произведений с учетом СМИ. Творчество Ф. Д. Крюкова донского периода характеризуется трагическим мироощущением. Установлено, что писатель противопоставляет философии апокалипсиса веру в великое предназначение казачества, а также патриотическую идею, возвращение к этическим стародавним принципам, в основе которых понятия Отчизны, совести и чести.

Ключевые слова и фразы: Ф. Д. Крюков; творческий метод; публицистический стиль; публицистическая картина мира; жанры; казачество; писатель-журналист.

Смирнова Евгения Александровна, к. филол. н., доцент
Волгоградский государственный университет
eugeni-sm@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ Ф. Д. КРЮКОВА ДОНСКОГО ПЕРИОДА (1918-1919 ГГ.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34006 «Литературно-публицистическое наследие Ф. Д. Крюкова».

Ф. Д. Крюков вошел в русскую литературу как бытописатель казачества, представивший в своих очерках, рассказах и повестях самобытный колорит «родного угла», по его собственному определению. После выхода в свет в 1914 году первого прижизненного крюковского сборника «Рассказы» один из рецензентов отметил, что, несмотря на не столь большую известность писателя, читатель уже полюбил автора «за его нежную, родственную любовь к природе и людям, за простоту стиля, за его изобразительный дар, за меткий живописный язык», за то, что ему несвойственно «сочинительство дурного тона» [1, с. 249].

Исследование творческого метода Ф. Д. Крюкова видится нам актуальным, поскольку позволяет выявить специфические приемы воздействия на аудиторию, налаживания эффективной коммуникации, создания репрезентативной картины мира, а также сделать выводы о функционировании региональной литературы и журналистики (и литературной журналистики в том числе) в российском медиапространстве в синхронии и диахронии.

Становление творческого метода Ф. Д. Крюкова происходило в столичном народническом журнале «Русское богатство». Сам называвший свои произведения «полубеллетристикой», писатель, участвовавший в создании журнала и в качестве редактора, совмещал в своем творчестве аспекты журналистского подхода к осмыслению действительности (что проявлялось в выборе тем и героев, ракурсов освещения событий, соответствующих редакционной политике и аудитории) и принципы создания литературного произведения (что проявлялось в особенностях создания образов, способах типизации, разработке проблем, соотношении документального и вымышленного, стилевых приемах, выборе жанра).

Опыт сотрудничества в газетах и журналах позволил писателю органично вписаться в контекст донской журналистики после трагических событий 1917 года. Первоначально, как и многие представители российской интеллигенции, Ф. Д. Крюков ждал от революции обновления, свобод, но она стала для него «обвалом» и «шквалом» (эти понятия вынесены и в заглавия его очерков «Обвал» [9] и «Шквал» [14]), несущими разрушение основ бытия, общепринятых ценностей и идеалов.

После закрытия в 1918 году советской властью большинства периодических изданий Крюков возвращается на свою малую родину, где включается в политическую жизнь (был секретарем Войскового Круга – донского парламента), ведет активную публицистическую деятельность (печатается в изданиях «Север Дона», «Донские ведомости», «Донская речь» и др.). Это донской период его творчества, согласно нашей периодизации [21].

Специфика объекта обусловила выбор междисциплинарного системного подхода к изучению художественно-публицистического наследия писателя. В качестве основного был избран историко-литературный метод изучения журналистики, разработанный В. Б. Смирновым [20] и углубленный в исследованиях О. Г. Шильниковой [24] и А. В. Млечко [16]. Анализ текстов публицистических выступлений, попытка выявить картину мира, представленную в произведениях Ф. Д. Крюкова, предопределили обращение к методам лингвистических исследований (в частности, к методу стилистического анализа).

Публицистика играет одну из ключевых ролей в создании образа эпохи. Как отмечает Н. С. Валгина, «способность СМИ отражать события окружающей действительности, запечатлевая многообразие сегоднешнего мира в том или ином медиаформате, является ключевым фактором в создании современной картины мира» [2, с. 203]. В пространстве медиатекстов на макроуровне (в контексте конкретного СМИ того или иного типа) и микроуровне (в контексте отдельного публицистического произведения) создается информационная картина мира, которая отражает семантику пространства и времени, специфику национально-культурного мировосприятия аудитории (коммуникативная функция публицистики, функция воздействия, функция формирования общественного мнения), выстраивает систему ценностей, разделяемых в обществе, и одновременно инспектирует ее (аксиологическая функция).

Анализ публицистического произведения, с одной стороны, позволяет понять специфику восприятия действительности автора текста, особенности его мировосприятия, его рефлексии. С другой стороны, публицист выступает как представитель, во-первых, аудитории, познающей вместе с ним происходящее и пытающейся найти решение насущных проблем; во-вторых – редакционного коллектива и самого СМИ, формирующего определенную информационную повестку дня. Иными словами, публицист выступает как минимум в двух ипостасях – как человек частный (реальный) и человек социальный [22, с. 499-500]. Отсюда и специфика аксиологической функции, которую выполняет публицистика. Социальная оценочность как структурно-стилевая доминанта СМИ [Там же, с. 500] выражается не только в индивидуальной оценке (автор – человек, гражданин, обладатель индивидуального опыта), но и в оценке коллективной, то есть определенных общественных групп. Вследствие этого, а также в связи с выполнением одной из основных функций публицистики – воздействия на адресата – публицистическое произведение – это пространство формирования и функционирования идеологием [3], обладающих особой силой суггестивного воздействия.

Публицистический текст создается «здесь и сейчас», нацелен на объективное отражение реалий, он является документом эпохи, представляющим особую – публицистическую – картину мира. Ю. Н. Пахомова отмечает, что картина мира, которая создается в СМИ, концептуальна и выполняет две функции: интерпретативную – репрезентующую некую модель мира – и регулятивную (способность давать «универсальные ориентиры человеческой жизнедеятельности») [17, с. 84].

Уже на уровне творческого замысла будущего произведения автор-публицист нацелен на реализацию определенной интенции. А. А. Пронин [19] выделяет четыре таких интенции:

- свидетельскую (автор рассказывает о событиях, очевидцем которых он стал), при этом авторское Я может быть как имплицитным, так и эксплицитным;
- эвристическую (автор устанавливает причинно-следственные связи происходящего);
- риторическую (автор инициирует дискуссию, вовлекая в нее аудиторию, отсюда очень часто переход от авторского Я к всеобщему МЫ);
- художественную (автор нацелен на создание образа современника – героя или антигероя времени, исторической эпохи, тенденции или явления). Эта интенция как раз и реализуется в художественно-публицистических жанрах.

Отметим, что эти интенции редко активизируются по отдельности, чаще всего публицист реализует в тексте несколько намерений, однако какая-то стратегия из перечисленных обычно преобладает. В публицистике 1918-1920-х годов (см. библиографический список публикаций этого периода [18]) Крюков реализует, прежде всего, риторическую интенцию. Это предопределено, во-первых, стремлением пробудить сознание современников, поднять их на борьбу с большевистским режимом; во-вторых, определенной собственной беспомощностью ввиду того, что разрушены основы, а опоры, которая могла бы стать новой основой, Крюков не видел. Кроме того, риторическая интенция была обусловлена и тем, что Крюков был редактором «Донских ведомостей» – печатного органа Донского правительства, выполнявшего в том числе агитационную функцию.

В своих выступлениях в донских изданиях Крюков обращается к своему казачьему народу, противостоящему «красным гостям», «советскому владычеству» [10, с. 2]. Он часть этого народа – несчастного, измученного и страдающего, подчеркивая это частым употреблением местоимения «мы». Трагедия момента подчеркивается маркерами *здесь и там, когда-то, раньше и теперь*. Надежды на будущее воплощены в концептах «родина», «родимый край», «Тихий Дон» – для автора именно в этих понятиях сосредоточена великая идея, что «многоценнее мне тех самохвальных заявлений о коммунистическом рае для всего мира, которые протрубили вы раньше и от которых дошли до паскудного истукана под фальшивой кличкой – “Ленин”» [4, с. 2].

В ходе своих размышлений Крюков не только инициирует диалог с аудиторией – он, прежде всего, ведет диалог с самим собой, комментирует происходящее, что проясняет и актуализирует его позицию в тождественности (я = мы) и индивидуальности, самости (я ≠ мы, я = я).

Среди приемов диалогизма, применяемых Ф. Д. Крюковым, – привлечение внимания читателя (через прямые обращения в том числе), побуждение к активному восприятию текста (с помощью риторических средств – риторических вопросов, восклицаний и т.п., через объяснение сути явления), формирование определенной точки зрения (с использованием оценочной лексики, например).

Воспроизводимая художником картина мира, как определяет В. И. Тюпа, предопределена особым типом ментальности, ему свойственным. Исследователь выделяет четыре таких типа. Первый – это роевой модус, мы-сознание, которое предполагает «самоидентификацию индивида с некоторой общностью индивидов». Второй модус – ролевое он-сознание («самоидентификация индивида с ролью в социуме»). Третий – модус уединенного я-сознания («самоидентификация индивида с самосознанием»). Наконец, четвертый тип – модус конвергентного ты-сознания («самоидентификация индивида с содержанием солидарного ему другого сознания») [23, с. 301]. В. И. Тюпа подчеркивает, что это векторная типология и в своем жизнотворчестве может соответствовать нескольким модусам при доминировании одного из них.

Анализ публицистики Крюкова донского периода показал, что мировосприятию писателя свойствен модус первого и четвертого типов. В его публицистических выступлениях, представленных в жанрах редакционной (программной) статьи (обычно они публиковались на первых полосах изданий), картина мира полярна, авторское мироощущение основано на противопоставлении «своего» (основанного на возвращении к самобытному казачьему миропорядку) и «чужого» (трансформация народного сознания, вызванная социальными переменами). Так, в очерке «В сфере колдовства и мути» [5, с. 10], пытаясь осмыслить современность, найти причины катастрофичности бытия, перерождения народа, Крюков в прошлом обнаруживает лишь «игрушечную

первобытность ясности и простоту взаимоотношений, проникнутых человечностью даже в темных явлениях междоусобий и национального антагонизма». Он приходит к выводу, что «расширение и углубление революции», «революционное сознание» изменило подлинно человеческую душу, которая «лучше была» [Там же].

«От жизни пошел трупный запах», – пишет Крюков в путевом очерке «Свежо предание: из Медведицкой летописи» [11]. Произведение начинается с философского рассуждения о специфике момента. Вновь, как и в очерке «В сфере колдовства и мути», писатель использует метафору «маховое колесо событий», которое сметает все на своем пути, и прежде всего человеческие судьбы. Крюков понимает важность момента и осознает роль Области Войска Донского в противостоянии новой власти. В этих жерновах оказались «неведомые доселе географические имена и названия, эти хутора, зимовники, балки, ерики, речки и курганы вышли на арену борьбы народов и классов, борьбы многовекового жизненного уклада и нового социального эксперимента, трагически обросшего старыми приемами грабежа, тунеядства и зоологической злобы» [Там же, с. 4].

Авторские размышления перетекают в картинку с натуры – «родных углов», потому что жизнь и история, по мнению автора, складывается из такого, характерного, из «мелочей жизни».

Крюков вспоминает свою поездку в родную Глазуновскую, поражаясь тому, что «тихие станичные и хуторские улочки наполнились пьяным гамом, руганью, гоготанием, циническими сценами с женщинами» [Там же]. Он несколькими штрихами создает портреты станичников, один из которых смотрит «ущемленным зайцем», потому что новые хозяева мира в галифе («дармоед», «комитетчики и доморощенные большевики» [Там же] – характеризует их Крюков) разгуливают по улицам, мародерствуют и бесчинствуют. «Превыше всего вознесены были интересы собственной шкуры и собственного корыта...» [Там же], – с горечью констатирует публицист.

В очерковых материалах («Цветок-татарник», «Камень созидания» и др.) проявляется модус конвергентного сознания. В этих произведениях создана многогранная картина мира «Тихого Дона», мира казачьей вольницы, в котором каждая личность самоценна, индивидуальна и вплетена в общий диалог. Для конвергентной ментальности, как отмечает В. И. Тюпа, «в противовес роевому менталитету, усматриваемому во всем “другом” антиценность “чужого”... ценность “я” основывается на позитивной ценности “другого”, отличного от меня» [23, с. 302].

Так, например, в путевом очерке «Камень созидания» [7] (он, как и многие очерки периода «Русского богатства», имеет подзаголовок «Впечатления и заметки» и эпиграф «И старые, и малые вышли на службу родному Краю») описана поездка автора с 12-летней «девчуркой Василисой» и другими казаками в один из хуторов. Крюков создает панорамную картину спокойного и прекрасного родимого края, израненного эпохой перемен: «Откуда взялся тут, в пустынных степях, ещё не утративших памяти о кочевнике-татарине, гулкий диковинный аэроплан, проплывший сейчас над седыми курганами? Откуда эти ящики со снарядами, с патронами, возы с телефонными аппаратами, с проволокой?...» [Там же, с. 5].

Время осознается автором как остро конфликтное, беспощадное к человеку, оторвавшее его от земли и труда: «Кто-то смешал людей, столкнул их лбами, раскидал по враждебным группам, зажег звериной злобой... Миллионы сбиты с привычных насиженных мест, оступели от нужды, голода, крови... Труд заброшен, и труд – напряженный, подневольный, постылый – держит десятки, сотни тысяч людей в бесконечном круговращении и неотрывной суете. И все устали, выбились из сил, окаменели от горя, лишений, грязи и неприютности...» [Там же].

Этой бессмысленной злобе и суете мира реального публицист противопоставляет мир идеальный, который воплощен в природной стихии, спокойной, но задумчивой и печальной, в образах детей, поющих казаках. Вера в эту жизненную силу казачества, сохраняющего даже в эпоху апокалиптических катаклизмов способность к творчеству и желание жить, – это и дает надежду автору, что «никакие лишения, никакая нужда не согнет ее, эту удивительную натуру, выкованную веками в условиях боевой и трудовой жизни» [Там же, с. 6]. В этом он видит тот прочный фундамент, «на котором будет строиться обновленная жизнь» [Там же], а испытания только укрепляют эту веру.

Очерк «Цветок-татарник» [13] словно возвращает Крюкова к традициям «Русского богатства», причем уже на уровне заголовка – автор использует символ, образ колючего цветка, олицетворяющего несгибаемость казачества. Очерк продолжает развитие темы донского периода. Повествование, как и в других произведениях этого времени, ведется от первого лица. Активно используются репортажные конструкции (сцены, диалоги), пейзажные и портретные зарисовки. Даже синтаксис другой: нет того обилия многоточий, которые используются писателем в других очерках и статьях и отражают авторские сомнения, рефлексии и разочарование.

Текст воссоздает картину Дона 1919-го в его действительности, без агитационных воззваний. Персонажи, которых встречает автор, – типические представители донской вольницы, сохранившие в себе те качества, которые Крюков ищет в современниках. Да, они испытывают на себе тяжесть и несправедливость момента, но их интенция – жить, а не бороться. Жить, несмотря ни на что, и заниматься своим делом, которое передано тебе по наследству. И в связи с этим как раз и возникает в сознании публициста образ цветка-татарника: «И я вспоминаю прекрасный образ, который нашел великий писатель земли русской в “Хаджи-Мурате” для изображения жизнестойкой энергии и силы противодействия той девственной и глубокими корнями вошедшей в родимую землю человеческой породы, которая изумила и пленила его сердце беззаветной преданностью своей, – светок-татарник... Он один стоял среди взрытого, <вз>борожденного поля, черного и унылого, один, обрубленный, изломанный, вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху» [Там же, с. 2].

И заканчивает очерк Крюков не осознанием ужасов происходящего, не сопоставлением *здесь и там, тогда и сейчас*, размышлением не о недолжном, а о будущем, о себе в контексте времени и истории: «Необоримым

цветком-татарником мыслю я и родное свое казачество, не приникшее к пыли и праху придорожному в безжизненном просторе распятой родины, отстоявшее свое право на достойную жизнь и ныне восстанавливающее единую Россию, великое отечество мое, прекрасное и нелепое, постыдно-досадное и невыразимо дорогое и близкое сердцу» [Там же].

Не случайно исследователи творчества Ф. Д. Крюкова именно этот образ выносили в заглавия своих книг и статей [15], потому что «необоримый цветок-татарник» – это и сам писатель как один из лучших представителей своего народа, возложивший на себя миссию агитатора-просветителя.

Таким образом, творчество Ф. Д. Крюкова донского периода характеризуется особым кризисным, трагическим мироощущением. Разрушены стародавние устои, революция и «красные гады» [12, с. 2] разорили родимый край. Противопоставить этому автор может только веру в славное прошлое «зипунного рыцарства» [8, с. 1], в великое предназначение казачества и патриотическую идею, а также возвращение к этическим стародавним принципам, в основе которых понятия Отчизны, совести и чести. Романтические по сути идеалы писателя можно связать со спецификой момента: когда разрушены все начала и ничего не предлагается взамен, возможны два пути – обращение к скрепам либо выдвижение новой идеи, как правило, недостижимой.

Одна из последних статей Ф. Д. Крюкова, опубликованных в «Донских ведомостях», фактически незадолго до смерти, – «Единое на потребу» [6]. Битва за Дон фактически проиграна, белая армия отступает. Именно поэтому статья начинается с осмысления этого момента «величайшего и последнего напряжения всех наших сил» [Там же, с. 1], когда «поставлено на карту все: бытие родного края, судьба казачества, целостность родных и близких нам людей, семей наших, собственная жизнь, все трудовое достояние наше, скудное, скромное, малое, но нашим трудовым потом облитое, ибо все мы – кость от кости своего трудового народа» [Там же]. Это переломное, буквально между жизнью и смертью, время, по мнению публициста, – «экзамен всему казачеству – и Дону, и Тереку, и Кубани», и именно казачество несет «всю тяжесть великой борьбы» [Там же].

Организующим началом должны стать руководители, казачья интеллигенция. И единственно достойный призыв, обращенный к великому казачьему народу, – «не отдавать батюшки Тихого Дона, единым сердцем и единою мыслью биться за него до конца и – победить или умереть у родного порога...» [Там же].

Ф. Д. Крюков умер «у родного порога», не дождавшись славных побед. По поводу его кончины есть несколько версий, по одной из которых он умер от тифа или плеврита, другая связана с «шолоховским вопросом» – знаменитым канувшим в Лету крюковским кованым сундучком, в котором якобы была рукопись одного известного романа.

Список источников

1. А. К. «Рассказы» Ф. Д. Крюкова // Северные записки. 1914. № 8-9. С. 249-250.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Васильев А. Д. Идеологема // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 174-175.
4. Крюков Ф. Д. В нынешние светлые лунные ночи... // Донские ведомости. 1919. № 209. 12 (25) сентября.
5. Крюков Ф. Д. В сфере колдовства и мути // Донская волна. 1918. № 16. 30 сентября (13 октября).
6. Крюков Ф. Д. Единое на потребу // Донские ведомости. 1919. № 290. 21 декабря (1920. 3 января).
7. Крюков Ф. Д. Камень созидания // Донские ведомости. 1918. № 66. 25 ноября (8 декабря).
8. Крюков Ф. Д. Край родной // Донская волна. 1918. № 12. 26 августа (8 сентября).
9. Крюков Ф. Д. Обвал // Русские записки. 1917. № 2-3. С. 195-222.
10. Крюков Ф. Д. После красных гостей // Донские ведомости. 1919. № 170. 25 июля (7 августа). С. 2-3.
11. Крюков Ф. Д. Свежо предание: из Медведицкой летописи // Донские ведомости. 1918. № 91. 25 декабря (1919. 7 января).
12. Крюков Ф. Д. [Ф. К.] Свидетельство документов // Донские ведомости. 1919. № 109. 11 (24) мая.
13. Крюков Ф. Д. Цветок-татарник // Донская речь. 1919. № 2. 12 (25) ноября.
14. Крюков Ф. Д. Шквал // Русское богатство. 1909. № 11-12.
15. Макаров А. Г., Макарова С. Э. Цветок-татарник: в поисках автора «Тихого Дона» (от Михаила Шолохова к Федору Крюкову). М.: АИРО-XX, 2001. 500 с.
16. Млечко А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920-1940). Волгоград: ВолГУ, 2008. 574 с.
17. Пахомова Ю. Н. Концептуальная картина мира в отечественных СМИ // Вестник Белорусского государственного университета. 2012. № 4. С. 83-86.
18. Писатель Федор Крюков: из архива русской прессы 1910-1920 (тексты за подписью ФК, его редакционные статьи, статьи без подписи, воспоминания, графические материалы; тексты других авторов или же с сомнительным авторством) [Электронный ресурс]. URL: <http://uni-persona.src.ms.su/f-krukov/descr1910-1920.htm> (дата обращения: 12.03.2017).
19. Пронин А. А. Авторские стратегии в тележурналистике: к постановке проблемы // Говорит и показывает кафедра радио и телевидения. СПб.: СПбГУ, 2009. Вып. 3. С. 8-17.
20. Смирнов В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70-80-х годов XIX века. Волгоград: ВолГУ, 1998. 261 с.
21. Смирнова Е. А. Литературно-публицистическое наследие Ф. Д. Крюкова: тематический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 48-52.
22. Солганик Г. Я., Клушина Н. И. Публицистический стиль, или Газетно-публицистический стиль, или Стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 499-501.
23. Тюпа В. И. Фрейм-анализ и анализ символов // Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 301-315.
24. Шильникова О. Г. Литературная критика в журнальном контексте рубежа XX-XXI вв. Волгоград: ВолГУ, 2011. 285 с.

PECULIARITIES OF F. D. KRYUKOV'S PUBLICISM OF THE DON PERIOD (1918-1919)

Smirnova Evgeniya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
eugeni-sm@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the publicism of the Don writer F. D. Kryukov during the Civil War. The communicative strategies of the writer-journalist are analyzed. The features of creation of publicistic works with the media are revealed. The creative work of F. D. Kryukov of the Don period is characterized by the tragic worldview. It is established that the writer contrasts the philosophy of the apocalypse with the faith in the great destiny of the Cossacks, as well as the patriotic idea, the return to ethical old principles, based on the notions of the Fatherland, conscience and honor.

Key words and phrases: F. D. Kryukov; creative method; publicistic style; publicistic worldview; genres; Cossacks; writer-journalist.

УДК 82

Целью статьи является проведение сравнительно-типологического анализа психологической прозы чувашской и японской литератур на примере произведений Ф. Уйяра и Х. Мураками. Впервые целенаправленно анализируется сходство художественных текстов несмежных литератур, а именно изображение внутреннего мира, переживания героев, описание становления личности, использование образа природы, народных обычаев. Герои рассматриваемых произведений находятся на перепутье. Найти выход из непростой ситуации им помогают друг-проводник, преодоление чувства превосходства над другими и трудностей в пути, размышление о причинах своих несчастий. Автор статьи приходит к выводу о том, что поступки героев напоминают народные традиции проведения обряда очищения, жертвоприношения. Типологическое сходство в произведениях писателей вызвано мировоззренческой схожестью двух народов, использованием единых приемов и традиций психологической прозы.

Ключевые слова и фразы: японская литература; чувашская литература; традиции; путешествие; образ природы; сравнение; сопоставление; типология; главный герой; проза.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
tixtar2@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОДСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧУВАШСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУР

В современном чувашском литературоведении вопрос сравнительно-типологического анализа, изучение методов компаративистики являются одними из приоритетных. В. Г. Родионов, Е. Р. Якимова, И. В. Софронова, Е. П. Чекушкина, А. Ф. Мышкина [1; 3; 4; 7; 8] и другие исследователи сравнивают произведения авторов региональной, отечественной и мировой литератур, применяют методы и приемы сравнительно-сопоставительного и сравнительно-типологического литературоведения, изучают исторические причины возникновения тех или иных традиций чувашской словесности и письменной литературы.

Наличие сходных, одинаковых черт в разных литературах объясняется несколькими причинами. К основным из них исследователи относят генетическое родство рассматриваемых литератур, взаимоотношения на разных этапах исторического развития и типологическое сходство. Увлечение одинаковыми направлениями и литературными школами, проживание в схожих периодах исторического развития, соблюдение единых религиозных догм и т.п. также может способствовать проявлению сходных черт в художественном творчестве представителей разных литератур.

В мировидении, культуре, верованиях японского и чувашского народов имеется немало близких черт. Это обуславливается проживанием в одинаковых географических условиях в далеком историческом прошлом, наличием обычаев и обрядов, связанных с одухотворением природы. Чувашские исследователи С. Убасси, А. Хузангай в своих работах не раз доказывали наличие влияния буддизма и японской культуры на чувашское мировидение. Несмотря на истечение большого промежутка времени и развитие культуры, традиции словесного творчества, заложенные в далеком прошлом, остаются одними из главных и проявляются в определенных условиях в художественной литературе на подсознательном уровне.

Мы рассмотрим сходные черты чувашской и японской литератур в сравнительно-типологическом аспекте на примере произведений Х. Мураками и Ф. Уйяра. Данный выбор объясняется тем, что оба автора являются истинными представителями национальных литератур. Немало общего наблюдается в их манере письма, судьбе, взглядах на мир. Проза обоих авторов тяготеет к психологизму. В процессе повествования они склонны к анализу духовных глубин своего героя, к дотошному исследованию причин его душевных переживаний. Писатели как бы выворачивают перед читателем его внутреннюю сущность наизнанку. Оба автора любят